

Сегодня исполняется шестьдесят лет писателю Василию Быкову

Вчера Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие заслуги в развитии советской литературы, плодотворную общественную деятельность и в связи с шестидесятилетием со дня рождения писателю Быкову Василию Владимировичу присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ему ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

ПОДВИГ ЗАБЫТЬ НЕ ВПРАВЕ...

Накануне юбилея, который отмечается сегодня, в Минске с Василием Владимировичем встретился наш корреспондент. Первый мой телефонный звонок Василию Быкову был безуспешным: писатель уезжал в родные свои места, на Витебщину, чтобы встретиться с избирателями. Потом я позвонил уже из Минска, услышал его голос, строгий, может быть, даже суровый. Условились увидеться ненадолго в Доме литераторов. Поэтому встреча сразу началась с вопроса.

— **Василий Владимирович, с момента выхода в свет «Альпийской баллады» прошло двадцать лет. Можно ли подвести итоги работы писателя за эти годы?**

— А что, уже нужно подводить итоги?—(Быков слегка улыбается, голос его звучит по-белорусски мягко и задушевно, в неспешных словах чувствуется весомость).—Впрочем, мне ведь скоро исполняется шестьдесят, и, наверное, о каких-то итогах следует говорить. Трудно самому подводить их. В начале шестидесятых годов я перешел на военную тематику.

— **В вашем творчестве были и другие темы?**

— Печататься я начал в 1956 году. Начинать как юморист, как сатирик. Но чем дальше уходила война, тем необходимее было писать о ней. Это знаю не только я, но и другие писатели, в чьем творчестве война советского народа против фашизма занимает основное место: чем дальше мы от войны, тем настойчивее она овладевает авторскими помыслами. Воевать пришлось нашей стране в одиночку со страшным и коварным врагом.

— **Василий Владимирович, вы ведь были очень молоды, когда началась Великая Отечественная война. Где она вас застала?**

— За три дня до начала войны мне исполнилось семнадцать. Я поступил учиться в Витебское художественное училище. В восемнадцать лет был призван на службу, в девятнадцать наш ускоренный выпуск пехотного училища направили на фронт. Не расставался с карандашом и там, только многие дорожки мне рисунки погибли тогда. Младшим лейтенантом командовал пехотным взводом, затем воевал в истребительной противотанковой артиллерии. Как сказано в повести «Проклятая высота», перекуров мы не делали. Были трудные бои, было тяжелое ранение. Была похоронка обо мне, а на одной из многочисленных братских могил под Кировоградом в длинном списке есть и моя фамилия...

— **Значит, основа большинства произведений — ваша жизнь?**

— Конечно. Как забыть, например, тяжелые бои за несколько месяцев до окончания войны в Венгрии, под Секешфехерваром, да и демобилизовался я в 1947 году, а через два года был снова призван, еще почти 10 лет служил в дальних гарнизонах. Так что то, о чем пишу, видел сам. Потом, когда уже работал журналистом в Гродно, захотел воссоздать несколько скромных образов наших людей, которым в памятные годы войны было суждено исполнить свой иногда неприметный, но всегда многотрудный долг в борьбе с немецким фашизмом. Так появились мои первые книги. Это не красивое описание необычных подвигов бесстрашных богатырей, это несколько будней войны, маленьких капель в не-

объятном море борьбы, которое до краев было полно тогда и людской крови, и людских слез. Писалось уже о том, что среди фронтовиков 1922, 23-го и 24-го годов рождения в живых осталось три процента. Это писалось лет пять назад. Но с каждым годом уходят ветераны. А подвиг их мы забыть не вправе...

— **Вы пишете только короткие повести. Чувствуется, что большие литературные полотна вас не привлекают...**

— Свою писательскую сущность я, может быть, нашел не сразу. В этом отношении огромную роль сыграла моя совместная работа с А. Т. Твардовским. Он первый указал мне на силу лаконичной повести. Я действительно не пишу романов. Работая над повестями, следую совету Твардовского, который увидел во мне способность создавать повести, но с большей емкостью, чем у романа. Так родились «Журавлиный крик», «Фронтовые страницы», «Третья ракета», «Альпийская баллада», «Мертвым не больно».

— **Значит, добрый совет — половина успеха?**

— Успех, по моему убеждению, приходит тогда, когда автору удалось точно отозваться на насущную потребность народа в данный момент. После встреч с читателями создавались «Атака с ходу» («Проклятая высота»), «Круглянский мост» и «Сотников». В «Волчьей стае» отразилось партизанское прошлое: в войну погиб каждый четвертый белорус... Кстати, повесть «Круглянский мост» редактировал сам Твардовский. И в творчестве своем я выделяю «новомирский период» — появление первых моих произведений в журнале «Новый мир». Период этот имел большое значение в моем становлении как писателя. «Сотников» написан уже после Твардовского. «Посленовомирский период» характеризуется продолжением прежней тенденции. Это показ войны — войны такой, как она есть, без прикрас, без бахвальства, без лакировки, показ того, что прошел сам, вдоволь насмотревшись на кровь, муки и пот пехоты. Пример — повесть «Пойти — не вернуться». Я всегда стремился к углублению проблемы народности. Солдат, партизан — они живут в рамках повести. Это правда войны — люди гибки во имя свободы и независимости нашей Советской Родины, за счастье нынешних поколений.

— **Многие свои произведения вы сами переводите на русский язык. Так вы поступили и с повестью «Знак беды», недавно опубликованной в журнале «Дружба народов». Легко ли дается вам эта работа?**

— Перевод, даже с моего родного белорусского, — чрезвычайно сложное дело. Ведь этот язык имеет множество смысловых оттенков, понятных только белорусу. На перевод у меня уходит столько же времени, сколько на написание.

— **А как же со свободным временем?**

— Его почти нет. Надо выполнять перед земляками обязанности народного депутата, руководить секцией прозаиков в Союзе писателей. Вот и сейчас иду на заседание. Писатели теперь стали много говорить... Ну, а если все же выдается день-другой свободный, стараюсь поехать к внукам...

Беседу вел
Георгий БЛЮМИН.